

Глава 1

Славно было сидеть в парке на скамеечке. Сдвинуть кепку на затылок, расстегнуть три верхние пуговицы на рубашке, обнажая безволосую грудь, распластать руки по деревянной спинке, чтобы больше никто не подсел. Смотреть по сторонам, шуриться на солнце и ни о чем, ни о чем плохом не думать.

Погода была просто упоительной. Он всегда обожал август с его теплом, с его утренней прохладой, которой, сколько ни тужься, до вечера так июльской прыти и не набраться. С легким ленивым ветром, собирающим редкими горстями рано облетевшие тополиные листья. И небо ночное в это время любил, таких звезд, как в августе, в году больше не было, не смотрело их так много и глазасто сверху никогда, только в августе...

Он мечтал сейчас! Да как мечтал!

И о том, что может...

Да нет, уже начал жить совсем иначе. И все в его жизни сложится. И никто никогда ничем его упрекнуть не сможет. Ни жена, ни дети.

Детей и жены, правда, пока не было. Но он мечтал сейчас как раз о том, что они у него будут. Милая доб-

ТАЛИНА РОМАНОВА

рая фея — его жена. И славные нежные ангелочки — его дети. Она воркует, они щебечут. Никто никогда не ссорится, не злится друг на друга. Все счастливы, веселы и беспечны.

Такой семье, которая у него будет, позавидует каждый. Им и будут завидовать. Их любви, взаимопониманию, их достатку.

Что семья его станет жить в достатке, он не сомневался. Добыть целковый он всегда сумеет. Даже в самые черные дни свои он без хлеба не сидел. А черными они считались у него не от безденежья, а от того, что один он совсем оставался.

Мать умерла, болела потому что долго. Сестра уехала с каким-то командированным. Побросала в сумку свои вещи и сгнула. Не позвонила ни разу, не написала. Даже о смерти матери она не знает, потому что сгнула много раньше.

Вот когда ему было по-настоящему худо — когда он был один. А деньги...

Он всегда при деньгах. Миллионами не ворочает, но не без помощи сонных и рассеянных граждан наших и ремонт в квартире сделал приличный, и торговый ларек с сигаретами и водой минеральной поставил возле вокзала. Поначалу туговато дело шло, а потом все нормализовалось, и даже прибыль появилась, и какая. И мог бы спокойно жить теперь с доходов, и даже расшириться бы мог, и что-то начать планировать, но...

Но тянуло, как магнитом, к тому, без чего уже и жизни себе не представлял.

Болезнь? Да нет, вряд ли. Болезнь — это когда из магазина не могут с пустыми руками уйти, непременно-

• *Пять минут между жизнью и смертью* •

но спереть им что-то надо. Он лично в магазине никакого кайфа не ощущал. Никогда там не брал. А вот толкнуть незапертую дверь носком ботинка, крохотное мгновение послушать, как гудит пылесос, работает дрель или упоительно скандалят супруги, осторожно взять с крючка, оттоманки, пуфика, тумбочки барсетку, сумку, портфель — всегда бывало по-разному, раствориться тут же с уловом за дверью в никуда и навсегда — это было его призванием. В этом он был виртуозом. И ни разу за долгие годы своей бессменной службы воровскому делу он не был пойман, и даже ни разу не был заподозрен. Никем!!!

Он работал всегда один. Ни с кем не делился, никому о себе не рассказывал, не хвастался. Всегда помнил: что знает один — не знает никто, а знают двое — знают все.

Не был дураком и никогда не заходил в подъезды даже с намеком на то, что там могут быть установлены видеокамеры. Не маячил перед старушками, у тех глаз хоть и слабый, но сильно запоминающий. К слову, их никогда не грабил, считая это подлостью.

А вот одуревших от жира, от сонной рассеянности обывателей среднего достатка — да, обворовывал. Честно, между прочим, обворовывал. Лишнего не брал. Он не был мошенником. Он был просто вором. В этом видел свое призвание, и ни разу этого ему не пришлось устыдиться. Почему?

Да потому что он был честным вором! Скажете, что таких не бывает, что вор изначально подл, вероломен, бесчестен и все такое? Что он забирает у честных граждан то...

А вот тут-то и была самая главная заковыка, кото-

Талица Романова

рая отделяла его от грабителей и подонков и причисляла к честным ремесленникам.

Он ведь не последнее забирал у граждан. Он забирал то, что плохо лежало. Ну, пришел ты домой, так запри дверь-то. А они и думать об этом забывают. Они толкнут ее ногой либо попой, швырнут на пол покупки и давай орать на мужа или жену — тут все зависит от того, кто притащил покупки, — что и помощи никакой, что все обнаглели, на шее сидят, свесив ноги. Вторая половина тоже потихоньку начинает заводиться. А когда кто-то из двоих коснется родителей, то тут хоть весь дом выноси, не заметят ничего.

Все он не выносил. Брал то, что обычно люди оставляют возле входной двери. Потрошил потом вещички этажом выше или ниже, все зависело от густонаселенности подъезда, от времени суток и времени года, иногда домой нес. Брал деньги, банковские карточки, что-нибудь еще ценное. Сумки выбрасывал, пустые кошельки тоже. Документы затем подбрасывал.

Правда, не всем.

Тут он тоже с личной необъяснимой неприязнью ничего поделаться не мог. Вот не понравится кто, хоть убей: либо в урну паспорт, либо в баре в туалете на подоконник бросит, либо под ноги на остановке. А если человек неплохой и просто жизнью замотанный, то документы возвращал...

Сегодняшний клиент его удивил, как никто другой. Первый раз в жизни удивил его клиент, а! Это потом уже сообразил, на кого нарвался, а поначалу решил, что чокнутый какой-то проживает в квартире семьдесят четыре на улице Ломоносова.

Как все было-то?

А было так...

Утро, не раннее уже, но и до полудня далековато. Народу во дворах мало, это и не плохо и не хорошо. В идеале — это когда либо никого, либо прохожих много. Но выбирать не приходилось. Он второй день едва не чесался от противного зуда, шлющего ему посыл пройти по дворам. Он и пошел.

И, не обнаружив глазастых старух во дворе по улице Ломоносова, дом пять дробь один, нырнул в крайний подъезд. Послушал шум работающего лифта, подождал, не откроется ли дверь какая, вроде нет, и начал осторожно подниматься по лестнице.

На руки он еще в сквере натянул прозрачные перчатки. Сам сгондобил между прочим из женских колготок. И незаметно их на руках почти, и отпечатков никаких.

На нижних этажах никого, двери заперты. Он продолжил подъем. Здоровьем обделен не был, физкультурой занимался либо в комнате, либо на лоджии, поэтому, когда поднялся на шестой этаж, даже не задохнулся. Ткнулся в две квартиры справа от лестницы — заперто, за дверью тихо. Подошел к квартире с блестящим номерком семьдесят четыре, осторожно потянул книзу дверную ручку, дверка-то и подалась.

Он сразу, как положено — взгляд себе за спину, вниз по лестнице и вверх — никого. Дверь толкнул, та бесшумно открылась. В аккуратной прихожей, похожей на десятки других стандартной мебелью, зеркалом, телефонной тумбочкой и крохотным пуфиком слева от входа, никого не было.

И не раздавайся странный грохот из комнаты — квартира являлась однокомнатной, это он установил

Талица Романова

молниеносно, — можно было подумать, что квартира необитаема.

Обитаема-то была, да. Но почему-то ему сразу показалось, что тот, кто громыхал сейчас в комнате, не живет тут.

Почему так подумал? Да проще простого было догадаться.

Искал что-то — раз. Искал, выворачивая ящики шкафов на пол, торопился, значит. Если бы не торопился, действовал бы аккуратно. Через слово матерился. И матерился, строго контролируя звук и интонацию. Наверняка боялся, что его услышат. Остерегался!

А станет ли человек, ищущий что-то в своем жилище, контролировать так себя? Будет ли выбрасывать вещи на пол, если можно сделать это по-другому, аккуратно складывая их на стул, к примеру? Станет ли возмущаться громким шепотом, если можно орать в полное горло?

Нет! А этот и шептал, и ящики выворачивал, значит, был не у себя дома. Вероятно, это был вор!

Сделав такое открытие, на которое ушло чуть больше десяти секунд, он едва не рассмеялся в полный голос. Сунул руку за пуфик, придвинутый к платяному шкафу. Вытащил оттуда дорогой кожаный портфель, который приметил, едва войдя в прихожую, сделал осторожный шаг назад, прикрыл дверь и быстрым шагом двинулся вверх по лестнице.

Чердак заперт не был, он этого не знал, пошел просто наугад. Глупо было не воспользоваться представившейся возможностью. Он влез туда, быстро осмотрел содержимое портфеля, оно его порадовало и заин-

тересовало. Прошел метров десять по чердаку, добрался до двери, которая должна была вывести его на улицу через другой подъезд.

Беспрепятственно спустился сначала с чердака, затем на первый этаж, так же вышел, так же ушел. Портфель почему-то не выбросил. Жалко было, больно кожа была мягкой и шелковистой, больших денег стоила. Да и не разобрался пока в истинной ценности содержимого, если честно. Купил по дороге большой непрозрачный пакет, сунул туда портфель, отнес домой и потом уже решил прошвырнуться немного.

Любил он, ну любил разложить перед собой на столе трофеи и полюбоваться ими, прежде чем расставаться с ними. Если сразу не выбрасывал, то всегда в дом нес разглядывать. А затем уж...

Портфель, заполученный им сегодня, показался ему необыкновенным. Толком вот рассмотреть не успел, что именно, но что-то его заинтриговало. И тут же мысль шальная принялась в голове толкаться: а не этот ли портфельчик тот незадачливый матерщинник искал, а? Не его ли пытался обнаружить на дне ящика в шкафу под одеждой? Думал, что портфель там, а он...

Правду говорят, если что-то хочешь понадежнее спрятать, прячь на видном месте. Портфель не мог упасть за пуфик, не резиновый мяч, не закатился бы. И щель между шкафом и пуфом была незначительной — сантиметров пять, а портфель со всем его содержимым никак не меньше десяти сантиметров в толщину в самом низу.

Значит...

Значит, портфель был нарочно спрятан хозяином. И спрятан на самом видном месте у входа. И очень

Талина Романова

удачное место, на его взгляд, было выбрано. Пуф был сооружен мебельщиками в виде грибка. Крышка съемная. Расстояние между крышкой и шкафом в пять сантиметров, а между основанием пуфа и шкафом — все пятнадцать будут. Вот хозяин туда портфель, стало быть, втиснул, крышку закрыл. И не видно почти. А если и увидишь, то подумаешь, что просто так втиснули туда, чтобы под ногами не мешался.

Только он так не думал теперь, когда мозгами пораскинул, млея под нежным августовским солнцем.

Такую дорогую вещь обычно принято на полке держать либо на хромированный крючок пристраивать. Что же так небрежно задвигать в самый угол? Чтобы не заметил никто?

Так оно все и было. И значит, тайна какая-то в том портфеле хранится, раз его кто-то спрятать пытался, а кто-то найти.

Какая тайна, а? Какая тайна?!

Глава 2

Она была его четвертой женой. Нелюбимой четвертой женой. Трех предыдущих — Сашу, Машу и Наташу — он тоже не любил. Вроде и хорошими все четыре были женщинами, и красавицами, и умницами, и с образованием, и с корнями достойными, а вот поди ж ты — не любил, и все.

Хотя у последней, у четвертой, — у Лерки Кнутовой — родословной никакой не имелось. Дворянского происхождения она была, как частенько ей напоминали. Мама с папой из простых, из рабочих. Бабушки

и дедушки тоже не на графской постели были зачаты, так что, кроме образованности, красоты и ума, Лера ничем похвастаться не могла.

— Ты не должна забывать об этом, дорогая, — начинал обычно свой лекционный час за завтраком ее благоверный. — Другие жены мужу если не состояние приумножают, то хотя бы родословной похвастать могут, а ты...

Конечно, это не было системой. Он не каждый день ставил ей на вид. А лишь тогда, когда она пыталась тихо взбунтоваться, то есть не послушаться, пропустить мимо ушей его нравоучения или не явиться к назначенному времени туда, где он должен был ждать ее. Случалось, и не раз, что он и сам забывал о назначенном свидании, но то был он. Он имел право на забывчивость. Она — нет.

Вот тогда-то Виталий Станиславович Сетин и принимался играть в педагога, равнодушным голосом выговаривая ей в течение получаса — сорока минут.

— Если бы ты была мне безразлична, я не стал бы тратить на тебя время, это ты тоже должна понимать, — завершал он обычно беседу. — Всем спасибо, все было очень вкусно.

Всех было двое: Лера — его четвертая жена. И домработница, воспитывавшая Виталика с детства и так и не сумевшая расстаться с ним, хотя и годы уже не те, и сноровка не та, и зрение село до такой степени, что могла на рукаве его сорочки нечаянно складочку заглаживать.

Он тогда и ее не щадил, замечания делал. И Оксана Петровна, испуганно дернувшись, будто он ударил ее, принималась лихорадочно оправдываться и совать

Талица Романова

рассерженному Виталику новую сорочку. А он начал тут же капризничать, дуть губы, ворчать, что опаздывает.

Лера в такие моменты со вздохом удалялась на другую половину дома.

А ну как не сдержится да сорвется на крик. А ну как наговорит ему всего-всего, чего он заслуживает. А ну как шлепнет Виталика по его капризно вывороченному рту. Что тогда?

Что могло быть тогда, Лера Кнutowa не знала. По обоюдному соглашению и условиям брачного контракта они должны были жить тихо, мирно, благопристойно. И никаких таких сцен в этом доме происходить не должно было.

Кто-то из предыдущих жен Виталика попытался выразить свой протест — а не протестовать было просто невозможно — очень громко, истерично, со слезами. Виталик с недоуменно вздернутыми бровями все это дело выслушал, ничего не сказал, уехал куда-то. Вернулся потом с адвокатом и грузовичком, который вывез из его дома жену и ее вещи.

Он никогда не оскорблял в женщине женщину, никогда не поднимал на нее руку, даже, кажется, не изменял своим женам никогда, потому что некогда было. Но он их и не любил.

И когда он завершал свой лекционный час словами, что Лера ему не безразлична, ей всегда хотелось расхохотаться ему в лицо.

Что это такое, а? Что в его понимании — не безразлична? Это ведь не могло значить, что он любил ее. Нет, конечно! Он не умел любить — этот красивый преуспевающий мужик сорока лет от роду. Он нико-

гда никого не любил и любить уже не сможет. Да он и боялся всяких нежных чувств, способных пробить в его сверкающих доспехах какую-то брешь.

Ему это было не нужно!

Он с легкостью женился, так же легко расставался со своими женами. Кстати, самый краткосрочный брак его насчитывал сорок пять дней. Самый продолжительный — два года, это с Лерой.

Но даже то, что они прожили бок о бок столько времени, не позволяло ей думать, что Сетин любит ее. Да он и не говорил никогда ей об этом, и не обещал ей ничего такого. В чем упрекнуть его было невозможно, так это в том, что он никогда не раздавал нелепых обещаний.

Он никого не обещал любить до гроба. И ей он подобных вещей не обещал тоже.

Они просто существовали под одной крышей — тихо, мирно, благопристойно, в соответствии с их договоренностью и условиями брачного контракта. Они часто спали в разных спальнях, а точнее — пять раз в неделю. Вместе выходили в свет, иногда он делал это один. Ездили куда-то отдыхать вместе. Хотя на отдыхе она тоже часто оставалась одна, у Виталия непременно случались какие-то деловые встречи. Вместе возвращались. Вместе завтракали, ужинали, иногда обедали, но...

Но от этого не становились ближе друг другу. Лере по-прежнему было очень одиноко в его доме.

— Это оттого, дорогая, — поразмыслив над ее словами, выдал он однажды, — что ты не можешь по достоинству оценить то, что тебя окружает.

— А что меня окружает? — Лера принялась огля-